

НЕЛЛ УАЙТ-СМИТ

ДЕМОНОЛОГИЯ И Я СНЫ ЗИМЫ

Нелл Уайт-Смит

**Демонология и я.
Сны Зимы. Часть 1**

«Издательские решения»

Уайт-Смит Н.

Демонология и я. Сны Зимы. Часть 1 / Н. Уайт-Смит —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933204-2

Вы прочтёте историю чёрного механического кота-оборотня, который интересуется больше всего на свете демонами. К сожалению, объекты его исследований вовсе не приветливы, и у нашего в меру пушистого героя так и не появилось бы шанса поймать за хвост свою мечту, не начнись в один вовсе не прекрасный день глобальной войны за мироустройство не последуй за этим жуткая неразбериха и не останься Храм — великий город-механизм, стоящий на границе с Хаосом, без того, кто бы держал его под своей властью.

ISBN 978-5-44-933204-2

© Уайт-Смит Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Демонология и я	7
Сны Зимы	8
Часть Первая	8
Глава 1	11
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Демонология и я. Сны Зимы Часть 1

Нелл Уайт-Смит

© Нелл Уайт-Смит, 2019

ISBN 978-5-4493-3204-2 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-9075-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Привет, дорогие читатели!

Книжка, на страницы которой вы в электронном или бумажном виде смотрите сейчас, – это первый том серии романов «Демонология и я». Он называется «Сны Зимы». Так случилось, что толщина этого чудесного тома оказалась чрезмерной для одного бумажного издания, и потому мне пришлось разделить на три части. Поэтому будьте бдительны, читайте по порядку: сначала часть 1, потом часть 2 и затем часть 3. Сейчас вы держите в руках **первую** часть, её конец – это не конец всей книги!

Теперь же, когда мы разобрались с самым главным, я расскажу об остальном. Мир, куда я вас приглашаю, – это авторская вселенная в стиле стимпанк, и здесь вы не встретите ни людей, ни деревьев, ни государств. К сожалению, формат этого издания не позволил мне разместить в конце [гlossарий](#), поэтому, если вам комфортней иметь его под рукой, то вы можете ознакомиться с ним по QR-коду на обороте этой страницы. Если же вам нравится разбираться в мире по мере развития сюжета, то, поверьте мне, все термины в нём со временем получат своё объяснение.

Эта книга – часть мультимедийного проекта SilverCast.

Выпускающий продюсер – Наталья Тимофеева.

Редакторы – Ксения Краевская и Наталья Ковалёва.

Приятного чтения!

Демонология и я

Хаос теперь был близко: вытяни руку, и безумное вещество обглодает её до костей, а затем выпьет всё, всё, что только составляет твоё существо, и хрупкий свет, что ты так отчаянно защищаешь, погаснет навеки. В этом мире ещё не придумано слов, не названо имён, и он сплетён из одних лишь устремлений, единого оголённого да раскалённого добела желания прожить следующую секунду.

Конструктор оглянулся на мир – повернул голову, и всё сущее без всякого остатка уместилось во взгляде. Ещё несколько часов, и Враг приблизится достаточно, чтобы вобрать в себя этот маленький островок света. Уничтожит, разотрёт в яркую пыль крошечное солнце, которое Конструктор баюкал в грубых горячих ладонях.

Ему на плечо легла рука. Оглянувшись на брата, Конструктор посмотрел по направлению взгляда Часовщика. Там, из самого Хаоса им навстречу поднимался чужак. Холодным огнём горели жестокие бирюзовые глаза, лишённые света Сотворителя. Заглянув вглубь них, Конструктор увидел тьму, выжженное до самого основания естество, и ужаснулся. Всполохнулось, вжавшись в его ладони, испуганное робкое светило.

Но Часовщик бесстрашно подошел к самой кромке сотворённого. Он устремил взгляд на чужака, и не существовало на этом мизерном клочке юного мира ничего прочнее взгляда этих серых, будто бы добрых глаз, и пришлый демон потупился в землю.

Он сломленно, скорбно до самой глубины своей сущности, опустился на колени на самом краю мира, и, протянув руку, вложил в открытую ладонь Часовщика острый кинжал. Прекрасное оружие. Второго подобного в мире Конструктора не могло существовать. Следующим движением пришедший из Хаоса демон благовоющим, ищущим жестом отдал Часовщику камень, сияющий безудержно ярким, лихорадочно переливающимся светом, и, умолкнув в великом почтении, замер.

Часовщик, первый над всем, что свободно от Хаоса, крепко держа в руке кинжал, положил вторую ладонь на лицо пришедшему из чрева Врага демону, запрокинул ему голову, и одним точным движением вспорол тому горло. Затем припал к ране, жадно глотая тёплую яркую кровь.

Прошла ещё минута. И, прежде чем ясные бирюзовые глаза чужого этому миру существа погасли, Часовщик обратил своё сияющее тёплым внутренним светом лицо ко Врагу, и в этот момент Конструктор впервые поверил, что Хаос можно победить. Он поверил в жизнь, как в Сотворителя, и он поверил в своего великого брата.

Часовщик смотрел в глаза Врагу, Отцу всех кошмаров – Хаосу. И Хаос не выдержал этого взгляда. Тьма не посмела жуткой рукой стереть кроткий мир, согретый крошечным светилком. И между смертью и робкой надеждой на будущее неодолимой стеной встала воля единственного смелого существа, она – нерушимая и незримая – она одна.

В следующую секунду мир взорвался сиянием. Конструктор глядел на Часовщика, облачённого в яркий ореол, семью крылами из света, укрывающего мир. И Хаос отступил, освобождая между миром и Врагом пространство тёмной ужасающей и меж тем защищающей пустоты, что освобождала над собой рождённую только что вуаль небес.

И тогда Конструктор выпустил из своих ладоней вверх вечно хранимое им, сияющее отныне и навечно, ещё робкое, но уже живое солнце.

Сны Зимы

Посвящается Sol Cast, Сергею Суханову и Кэт Смайл с глубокой благодарностью за годы, которые мы провели все вместе с Пушистиком.

Часть Первая Пролог

Всю глубину тьмы ещё предстояло найти. Беловолосая демонесса смотрела на то, как падает снег, выхваченный ярким светом открытой настежь во вьюгу двери. Он окрашивался в искрящийся, желто-оранжевый цвет свечного сияния, пока пролетал наискось мимо освещённого прямоугольника открытых дверей. Скрываясь за его пределами, он исчезал в бездонной ночи. Словно поглощённый навеки великим Хаосом. Словно пожранный черным драконом, как самой смертью. Белый снег.

Демонесса опустила ясные, цвета высоких серебряных звёзд глаза, найдя взглядом заносимый кристаллами воды порог, и тихо произнесла, коснувшись тонкой, словно хрустальной, рукой тесного ворота застегнутого наглухо черного платья:

– Я никогда не включала здесь айры. Он не любил их свет, – она притронулась к крошечным глянцевым черным пуговицам, спускающимся частой пунктирной линией от шеи вниз. Её рука замерла, а бледные губы снова разомкнулись в кроткой печальной улыбке, – наши дни озарились лишь огнями газовых рожков и свечами. Я оставила только свечи теперь.

– Если вы сделаете, как задумали, то в сиянии свечи вместо света будете видеть одни только тени, – негромко произнёс пришедший по её приглашению демон.

Стоя неподалёку от этой женщины с ясными холодными глазами и также глядя в разыгравшуюся за дверями дома вьюгу, он словно находился в каком-то другом, удивительном и далёком месте, что открыло для него память, пригласив широким жестом плохих воспоминаний на прогулку по вьюгам ушедших эпох.

– Да, – обронила женщина, не посмев отнять руку от груди, – а вы сейчас видите цветной свет этого мира. Он красив?

– Он, – тихо ответил её собеседник, тяжелым взглядом смиряя холодную ночь, – словно бесконечный танец печалей, вечно приближающийся в каждом движении к экстазу, как сложная симфония идеальных созвучий, которую я черпаю горстями и самоцветами приношу в вечный дар Храму.

– Когда вы говорите об этом так, так просто забыть, сколько крови стекло вниз по вашим локтям и пальцам, – шепнула горько женщина, уронив слезу из непокрасневших глаз. Капля упала вниз, впитавшись в плотную ткань траурного наряда.

Демон повернулся лицом к ней и произнёс:

– Вы никогда не увидите этого света.

– Нет, – поспешно шепнула демонесса, – нет, разумеется, нет, но я и не хочу. Я потерялась бы среди этого сияния, ослепла бы и... никогда бы... не смогла, – она опустила взгляд вниз, а затем вновь подняла глаза и вгляделась в бирюзовую радужку своего собеседника, – никогда бы не смогла найти Его.

Демон приблизился к своей собеседнице. Каждый шаг его гулким эхом отдавался в пустых, лишенных всяких украшений серых стенах. Снег на плечах растаял, оставив после себя капли, дрожащие оранжевыми отсветами:

– Вы никогда не сможете найти его потому, что его больше нет в мире.

– Никто не может знать этого наверняка. Лабиринт...

– Я был в Лабиринте, – мужчина прервал демонессу, встав совсем близко к ней и заслонив ей вид на безумный полёт обреченных кристаллов льда, – я прошел его от начала и по периферии до самого сердца его. Там нет заблудших душ. Вы станете жить в своих снах, но не будете видеть свет, и мир оденется для вас в серый саван. Он наполнится безликими тенями и – более ничем.

– Вы вернёте себе Храм, господин Ювелир, чего вам нужно больше? – прошептала демонесса, отводя взгляд и отстраняясь, словно кутаясь в невидимую шаль из отрицания и бесконечных сожалений. – Снова примете под свою руку Машины Творения, а сами – встанете одесную Часовщика, нашего семикрылого великого господина.

– Кому вы венчались однажды, – напомнил ей Ювелир.

– И кого Я покинула, – тихо произнесла женщина, выделив личное местоимение властной бесцветной интонационной привычкой, и прибавила совсем тихо, – ведь однажды любили даже вы.

– Никогда, – ответил ей Ювелир тихо и низко, одним мягким движением оказавшись к ней слишком близко, ближе, чем она хотела бы видеть его когда-нибудь.

Не дожидаясь его прикосновения, понимая, что время истекло и час пришел, она обернулась, сдалась. Расправила плечи и встретила его взгляд холодно, спокойно.

Ветер за безыскусными толстыми стенами выл, но внизу, под низким его стонущим плачем давала о себе знать предвечная тишина. Та самая страшная тишина, предшествующая каждому сакральному творению, она всегда отступала на шаг перед любой песней жизни. Отходила, не исчезая при этом полностью, и там, за границей размытого ореола, в непроглядном ледяном объятии тихо ждала часа своего возвращения.

Демонесса отметила тихо:

– Вы медлите.

– Я жду, – признался Ювелир, – надеюсь, что вы помните, как изгнали меня из Храма, приняв его под свою руку.

– Почему?

– Чтобы знать, что вы всё ещё способны чувствовать, что вас не покинула гордость. И этим вселить надежду в сердце моего брата, нашего великого семикрылого господина. Он ещё любит вас и, волей Сотворителя, будет любить всегда.

Демонесса взглянула на тёмный механический алтарь, расположенный здесь же, в центре помещения, а потом ответила своему собеседнику:

– Вы не сможете вселить надежду в его сердце.

Ювелир больше не ждал. Разлетелись в стороны маленькие черные пуговицы, звучным градом рассыпаясь по однотонному холодному полу, падая в нанесённый снег. Ювелир единичными точными движениями разорвал демонессе платье, оголив бледные лунной грацией плечи с тонкими линиями ключичных костей.

Он поднял руку на уровень её груди, и над пальцами засверкали ясным неземным светом алмазы. Каждый из них когда-то был чистой невинной душой. Повинуясь воле демона, камни один за другим впились в серебристую кожу Зимы, сплетаясь между собой белым родированным золотом и тонкой сталью. Металлы и самоцветы плели прямо на коже женщины удивительное, волшебное, нерушимое кружево, злую ясную вязь из горя и света. Кровь тонкими алыми струйками текла вниз по обнаженным незащищенным грудям, собираясь на сосках карминовыми каплями и, набухая, падала вниз, туда на безыскусный пол Холодного Дома.

Когда Ювелир закончил, ноги у демонессы подогнулись. Она упала вниз, белой подбитой птицей опустившись в черное озеро шлейфа собственного траурного одеяния. Пальцы её судорожно коснулись ноги Ювелира чуть выше голенища сапога, словно ища поддержки, словно

стремясь утолить этим странную острую боль, отдававшуюся внутри сердца серым и страшным бессилием сделать следующий вдох.

Не обратив внимания на это страждущее прикосновение, демон отошел в сторону в безликом молчании, которое так шло его лицу. Приблизился к механическому алтарю, жужжащему тысячей шестерней. Бегло взгляд его скользнул по голему, лежащему на нём. Спящему вечным беспробудным сном.

– Пойдите, господин, – попросила его демонесса, страдая. Ювелир слышал, как коснулась каменных плит её побледневшая от холода и боли рука, как резко дернулись запястья в этом нервном касании, – я вижу вокруг одни тени.

– Так будет теперь всегда, госпожа Зима, – ответил Ювелир, замерев.

– Пойдите, – снова попросила она, теребя непривычное украшение на шее так, будто могла снять его, как обычное кольцо, – пойдите, я не смогу. Вокруг будут только безликие тени. Отныне и навек. И я буду знать каждое мгновение вечности, что мне суждено... одиночество, – Ювелир смотрел на бесстрастное лицо спящего голема, чью жизнь поддерживал механический алтарь, – я вижу ясно теперь, что каждый, кто живёт в этом мире, – не Он. Лишь робким светом теплится его душа в этом механическом теле на алтаре. Я вижу, почему вы не можете её забрать.

– Она слишком слаба. Нужно убить голема, чтобы душа вашего любовника не оказалась размыта новой душой, зарождающейся в механике тела.

– Теперь я мученица посмертия своего возлюбленного. И это всё, что я буду отныне и до гибели мира помнить о нашей любви, ради которой я предала своего мужа... Предала и никогда не пожалела об этом.

– Да, – холодно подтвердил её слова Ювелир, – Вы говорили мне, что души механоидов, не сужденные мне и неотнятые мною на пике достижения их Дара, напряжения всех их душевных сил... что те души, что не отдал я Даром Храму, не вложил в самоцветные сердца Машин Творения, возвращаются в Лабиринт. Что там блуждают они в вечной тьме и что оттуда могут однажды найти дорогу в мир. Я уверял вас в обратном, презрев собственные интересы, ведь чего желал я более, чем вернуть себе Храм? Ради вашего супруга, ради своего великого брата я просил вас одуматься, не совершать со мной сделки, ссылаясь на знания, известные мне с абсолютной точностью, но вы не поверили мне. Теперь вам больше незачем цепляться за существование тела своего любовника. Вы прокляли сами себя, пусть я и одобряю это затворничество и это проклятье.

Его рука коснулась металла алтаря. Замерла в обманчивом бездействии.

– Не смей убивать его, Ювелир, – прорычала Зима, роняя по плечам белые волосы, пачкая их алой кровью, – не смей!

– Иначе вы зазря продали мне Храм. Обрести вновь его душу, не отпустив её из тела, невозможно.

– Тогда знай, что Я найду способ добраться в Лабиринт и найти Его душу там, а пока это невозможно – Я буду ждать. Я буду ждать пришествия Лабиринта до конца времён, чтобы вернуть душу в механическое тело, приготовленное для него.

– Это тщета.

– Я всегда буду ждать! – крикнула Зима, теряя с этим криком последние крохи прежней себя. Растрёпанные волосы, измазанные в алом пальцы и блуждающие нервно зрачки терзали полную холода бездушную отныне для неё сферу мира, лишённую тепла и приюта.

Ещё крик Зимы не рассеялся под низким сферическим куполом Холодного Дома, когда Ювелир остановил механизм.

– Ищите теперь его душу среди бесконечных теней, госпожа, – произнёс тихо демон, ощущая, как затухает жизнь голема, чья душа походила для него на неприметный уголёк, – но помните, что велико время зимы, ибо всё вернётся.

Глава 1

Я, и удивительное начало моей не менее удивительной карьеры демонолога

Иногда нужно просто признать, что всё кончено. Что мечты достигнуть нельзя. Просто остановиться в какой-то момент, плотно-плотно зажмуриться и доверительно сообщить это самому себе. И тогда, при определённом везении, жизнь войдёт в нужное русло.

Можно сколько угодно именовать себя мечтателем и гордиться своим постоянством, но порой совершенно бесполезно идти туда, куда зовёт сердце. У сердца плохо с ориентацией на местности. Оно не разберётся, перепутает, и вот вы сидите с ним в тупике как два дурня. А к мечте... а к мечте пути закрыты, окна заколочены, и когда пытаешься сунуть нос в щелочку запертой на все замки двери, судьба ласково подтыкает просвет вонючей тряпкой. Может, кто-то из тех, кому удача привыкла улыбаться, прочел предыдущие строки с высокомерием, но это он зря: и так бывает. Так бывает, что вам просто некуда двигаться дальше.

Иногда вы понимаете, что если не смиритесь с положением дел, то умрёте (не важно, от голода, старости или острого рецидива жалости к себе). Умрёте, так и не достигнув ничего из того, к чему стремились, и в этом нужно (просто однажды) признаться. Эта правда и в ней нет ничего стыдного. Эта идея – реальность. Всё бессмысленно. Нужно согласиться и выйти из тупика, выбрав другую дорогу.

Наш мир – по сути, очень странная химера: некий плотный клубок городов, пустошей и океанов, балансирующий на грани Хаоса. Каждый месяц он может быть уничтожен, если только Машины Творения в волшебном несбыточном Храме, стоящем на краю мироздания, не победят Хаос в часы полной Луны и не купят в этой смертельной схватке нам всем немного времени: до следующего полнолуния. То есть – совсем чуть-чуть. Каждый цикл Луны может стать последним днём всех наших жизней (если задуматься над этим плотно, то можно даже сойти с ума от тревог). Так стоит ли тратить время, мучительно пытаюсь найти в этом хрупком, полном бессмысленных парадигм, сияющем калейдоскопе потерянных смыслов какую-то очередную глупость?

И вот, приняв жизнь без прикрас, вы поднимаетесь на крышу, устраиваетесь над тёплыми трубами парового отопления, над ликровыми венами домов, несущими сквозь весь город потоки жизненно-важной информации, укрываете лапы хвостом и, устремляя взгляд на механическую Луну, шурящую на вас единственный глаз с каким-то хитрым торжеством, признаёте своё поражение. И пока вы ещё довольно молоды и относительно живы, то можете изменить решение и начать мечтать о чём-то другом. Вас ждёт множество новых возможностей, столько счастливых билетов!

Сколько их здесь вокруг: надежд и чаяний рассыпанных по мостовой даровым серебром осенних луж? На любой вкус и вид – выбирай, как знаешь! Я мог взять для себя любую мечту и отдаться ей со всей прежней страстью и былым трепетом, ведь я не стал хуже от того, что я где-то и когда-то ошибся.

Раньше я хотел быть демонологом. Довольно странное решение для черного дворового кота-оборотня, ночующего то здесь, то там и питающегося в основном ликровыми ополосками. Ведь демоны – это где-то там, в Храме, на границе Хаоса и мира, в Великом городе-механизме, в полисе, не знающем сна (и так далее). Словом, не там, где я.

Я родился, вырос и почти загубил свою жизнь в небольшом провинциальном городке, умудрившемся с неподражаемым успехом, затеряться где-то между ничем и ничем направо от железной дороги.

Я получил образование и профессию. Не слишком плохую, кстати, по которой я не работал ни единого дня в своей жизни. Вы можете возразить здесь: «Китен (Китен – это моё имя), если ты хотел стать демонологом, то почему же ты не стал работать усердно, чтобы заслужить себе право попасть на работу в Храм?» Я мог. Ну, и не мог одновременно, поскольку трезвая оценка собственных способностей не давала мне права надеяться на то, чтобы я куда-либо уехал из родных Котлов. Во всяком случае, не за счёт трудолюбия.

Конформизм и покорность перед обстоятельствами никогда не числились моими пороками. Моими добродетелями они, правда, тоже так и не стали, и потому я, так и не дойдя до места своего назначения по работе, гордо остался жить на улице. Я не хотел быть клерком.

Вообще-то, тогда я ещё не хотел быть демонологом тоже: я ничего не знал о собственной великой мечте. И к своим невысоким, мягко говоря, шансам попасть в Храм я относился весьма и весьма спокойно. Я вообще не думал, что мне может прийти в голову мысль посвятить свою жизнь науке, чьё существование до меня представлялось миру глупой шуткой.

Всё изменилось в один миг, буквально по щелчку пальцев. Примерно девять или десять лет назад. Мне тогда было двадцать, и я по обыкновению очень хотел есть. Надежда насытиться (как и обычно) грозилась остаться на тот вечер несбыточной, но тут из жилого отсека на сорок седьмой улице у меня на глазах в тупик выплеснули что-то горячее. Может быть, просто грязные ополоски, но мне бы хватило и этого. Лизнуть только что растаявший снег, почувствовать внутри себя хоть такое тщедушное, но всё же тепло – уже само по себе помогло бы мне в тот морозный вечер (как вы знаете, ликровая система в домах никогда не даст вам умереть от голода и холода на улицах, но при этом ни накормить вдосталь, ни согреть нормально она на проверку не может тоже).

Итак, я стремглав бросился в тот тупик, и там я увидел Её. Моего первого демона. Зиму.

Она сидела, склонившись над кем-то, как мне показалось, мёртвым, кто в грязных обносах лежал на снегу спиной ко мне. Я не понял сразу, не разобрался и спросил у неё, что случилось, быть может, собираясь помочь. Она подняла на меня глаза цвета высоких звёзд, и я увидел, как по белёсым, почти серебряным щекам бегут ручейками слёзы.

– Это не Он! – крикнула в иступлении она, и весь город накрыло порывом ледяного, пробирающего до самой души ветра. – Не Он!

В следующую секунду она исчезла, а я понял, кто я такой и что забыл на этой черной земле. Я демонолог! И я хочу знать – кто «Он», почему он не «Он», и как это всё взаимосвязано. Я хочу знать, почему у неё такие глаза, странная кожа. И волосы. Белые – это естественный цвет, или она красится, или они металлические? У всех демонов такие? Где она живёт? Как долго ищет? ВСЕ! С этого момента я хотел знать обо всех демонах всё. Начиная с первых из нерожденных и заканчивая самым распоследним полуэфемерным созданием (кстати, они очень интересные). И чего бы мне это ни стоило, я поклялся, что добуду эти знания и изложу их в огромном большом труде с обложкой из черной кожи. От всех этих мыслей меня отвлекло лишь одно обстоятельство – у меня вмёрзли в мостовую лапы.

С тех пор, как я уже говорил, прошло почти десять лет, и я больше не встречал ни одного демона. Кроме каких-то слухов и глупостей я ничего не узнал. В библиотеках не нашлось книг ни в наличии, ни в каталогах на заказ. Глухо так, будто никто от сотворения мира не озадачивался этой проблемой, кроме меня.

Я пытался подать заявку на обучение, но в итоге из Центра кадрового администрирования пришлось убегать (ведь за то, что я не вышел на работу, с меня причитался штраф, про который я от чистого сердца забыл, а Центр – нет).

Подумав, что священники из нашей лежащей за межами часовеньки могли бы дать мне направление исследования (ну, «Храм» и «часовня» ведь слова из одной отрасли), я первый раз в жизни пошел в церковь и узнал, что мне там из принципа никто не поможет, потому что церковь спасает души, а у черных котов нет души.

Так как же я продвинулся в предмете своего интереса за десять лет? Машины Творения работают на камнях из душ лучших представителей этого мира. Их демон Ювелир извлекает из тел своих жертв в момент достижения ими, этими душами, пика своего Дара. Не важно, какого Дара: это может оказаться и великое милосердие, и отчаянный садизм. Главное, чтобы он выделялся на общем фоне.

Очень глупый, на мой взгляд, способ получения энергии: нужно убивать тех, кто двигает этот мир. Это всё равно, как если бы для того, чтобы паровоз ехал, постоянно сжигались в топке его колёса. Достойное развитие демонологии наверняка бы это как-то оптимизировало или исправило.

Что ещё? Демон Часовщик – великий Говорящий с Создателем. Глава Храма и церкви (как понятия) Он – единственный, кто слышит голос самого бога, Сотворителя. Словом, Часовщик тоже существо довольно бесполезное. Если бы он нормально мог что-то слышать, то уж Сотворитель ему бы обязательно сказал, как всё-таки сделать так, чтобы получать энергию для Машин Творения нормальным способом, а не как сейчас. И что нужно женщинам. И... что-нибудь ещё. Словом, хорошая прикладная демонология и здесь бы нашла себе применение.

Ещё в своём захолустье я слышал про демона Конструктора. Этот красавец сделал солнце и спроектировал Луну. К нему у меня претензий пока не нашлось, но я уверен, что это от того, что демонология ещё недостаточно развита, и если бы я мог хорошо разобраться в предмете, то пожелания бы возникли.

Я видел своими глазами Зиму. Великую супругу великого Часовщика, но... о Предназначении её так и не смог ничего выяснить. Тогда за неимением других действенных идей я решил ждать следующей удачи. Пока не произошло ни единой, вот и всё.

Единственное моё достижение, достойное гордости, состоит в том, я не стал собирателем всяких суеверий и сплетен, поскольку имел хорошее общее образование и мог отличить науку от всего остального. Неплохо для начала, но мало для бизнеса.

Иногда, дорогие друзья, нужно просто признать правоту мира вокруг. Посмотреть на то, сколько других чудесных целей роится рядом, и подарить какой-то другой мечте надежду однажды сбыться. Я занёс лапу над лужицей дождевой воды, дрожащей под осенним ветром, загадал себе мечту и, наступив на отражающиеся в её ряблящей глади звёзды, произнёс, оказавшись не в силах изменить хоть что-то в себе:

– Хочу быть демонологом.

Мою черную, как олицетворение вопиющей тщеты бытия, лапу, озарила вспышка красноватого света. Я поднял взгляд вверх: упала одна из низких звезд. Она летела вниз, отделившись от гостеприимного небосклона в грустном одиноком полёте к смерти. Я подумал печально: как жаль, что всем звёздам суждено пасть, и ни одна из них не может прервать свой просчитанный заранее этим механическим миром полёт. Как хотел бы я, чтобы она, эта глупая звезда, оказалась прощена безжалостной механикой неба и не упала! Звезда выровнялась. Звезда взяла правее и начала приближаться ко мне.

Я наострил уши, наблюдая за тем, как проступают тонкими линиями в вечернем мареве у неё крылья. На хребте у меня вздыбилась шерсть, я попятился, безотрывно пялясь на то, как надвигающийся на меня объект растёт, стремительно приближаясь и на глазах принимая черты чего-то очень металлического, механического и жестокого.

Бесценные вы мои друзья, приглядитесь получше к своим мечтам. Я уверен, что среди них есть предатели.

Рефлекторно сделав шаг назад и наступив в холодную лужу, я вынырнул из топи когнитивного диссонанса, пребывание в котором позволяло мне наблюдать за происходящим так, будто всё оно меня не касалось, и дёрнул бежать, но, видимо, медленно и не в ту сторону.

Меня схватила механическая лапа, оторвала от крыши, потащила вперёд и вверх, я, кажется, кричал, но сам себя не слышал и управлять своими судорожными попытками

вырваться не мог, полностью утратив контроль над собственными мыслями, телом и биографией.

Когда я вновь обрёл возможность соображать, то новый вопль удержал при себе чудом. На этот раз – от чистого восторга: меня держал в лапах, сжав и прищемив шерсть, сам Дракон, Хранитель Храма (я раньше ничего не говорил про Хранителя Храма, поскольку он голем, а не демон, и в сферу моего интереса не входит).

В те сияющие секунды я по неопытности и глупости обрадовался, что сорвал главный приз в лотерее жизни, и теперь вся остальная цивилизация будет довольствоваться в лучшем случае выигрышем равным номиналу билета. В смысле... подумал-то я правильно, а обрадовался этому по неопытности и глупости.

Оглянувшись, я понял, что нахожусь за пределами города (внутри поселения этот огромный голем вряд ли смог бы найти достаточно широкую улицу для себя). Опустился вечер, сгустились сумерки. Слева от меня вполне себе благопристойно плыла в вечернем тумане над озером изначально белая, а сейчас почерневшая с правого бока от копоти с почившего ныне кирпичного завода, часовенка. Ну, та, где мне сообщили, что я бездушное животное.

А потом я поднял взгляд и посмотрел в глаза Дракону. Красивые. Чарующе красивые сапфировые глаза, вззирающие на меня с широкой украшенной сканью и хрусталём морды, такой изящной, резной, что я засмотрелся и только потом понял, что меня о чём-то спрашивают.

– Простите, – произнёс я, тщетно попытавшись устроиться удобнее или хотя бы пошевелиться, – вы не могли бы повторить вопрос? У меня, кажется, заложило уши.

– Вы, – повторил вопрос с некой вкрадчивой агрессией Дракон, – демонолог?

Знаете, дорогие читатели, по прошествии лет, я понял, что склонность к составлению мемуаров у меня врождённая. Иными словами, эту книжку я всё равно бы написал. И в тот момент я мог бы ответить правду, и... вы читали бы сейчас книжку про сельское хозяйство, например. Или про генетику. Генетика – отличная тема, я, наверное, мог бы хорошо и увлекательно про неё написать. Но вы не читаете книжку про генетику. И вы не читаете книжку про сельское хозяйство, даже если по профессии вы техник выжвельных машин. Вы читаете книгу про демонологию. Поскольку:

– Я демонолог, господин Дракон, – ответил без лишней скромности я, потому что для того, чтобы занять дельную скромность, нужно сначала набить себе цену.

– Вы, – боевой голем посмотрел на меня ещё внимательнее, чем прежде, – можете работать конфиденциально?

– Конечно, – подтвердил я, надеясь, что он имел в виду то, что Дракон никому не скажет, если я напортачу (хотя, конечно, он имел в виду нечто совершенно противоположное).

– Подзащитный мне демон, – произнёс Дракон, – болен сейчас. Никто не должен знать, что с ним что-то не так. Никто не должен видеть его в том состоянии, в котором он сейчас находится. Я знаю, что вы – существо низкое, пропащее и не достойное никакого доверия, – я открыл рот, чтобы возразить, но замешкался, и он заговорил раньше меня, – но если вы сможете ему помочь, то я прошу вашей помощи.

Я закрыл рот. Открыл рот. Посмотрел на церквушку. Она, как и положено, добросовестно отражалась в зеркальной глади меркнувшего в вечернем воздухе озера, и показал ей язык.

– Я помогу, господин Дракон, – произнёс я после этого, – предоставив вам и вашему подопечному все знания, навыки и силы, доступные мне, но, – я сделал паузу для должной важности и закончил, – я должен знать, о каком именно демоне мы говорим.

– Ювелире, – ответил Дракон. (Ну, вы помните – это тот, что забирает души на пике их сил, вырывая трепещущие сердца прямо из груди, первый из нерождённых, живущий от начала времён и т. д.) Какие знания я мог ему предоставить согласно собранной мной информации? Сказать ему же, что он есть. Я счёл это достаточной подготовкой.

Без сомнений, если бы история, лежащая перед вами сейчас, начиналась как-то менее абсурдно, и Дракон за право хотя бы взглянуть на этот экземпляр демона попросил с меня мзду, я отдал бы сразу душу, обе почки и две трети хвоста. Весь хвост. Я отдал бы всё, что имел, за одну только возможность почувствовать, что рядом со мной один из демиургов этого мира. Поэтому я ответил:

– Нет, извините, но Ювелир меня больше не интересует. Это вне моей текущей исследовательской деятельности. Верните меня, пожалуйста, туда, откуда взяли, и отпустите. У меня много работы.

В ответ на это Дракон взлетел вверх. Он взмыл стремительно и бесшумно. Из-за резкого перепада давления у меня наметились сложности в отношениях с собственными ушами, желудком и прочей требухой, и потому я совершенно не заметил, как быстро мой город уходит вниз, уменьшаясь в размере.

– Если вы не поможете, если вы ошибётесь, если вы кому-то расскажите о том, что вы видели, – я убью вас, господин демонолог, – сообщил мне Дракон.

Из всего того, что он сказал, я услышал только последнее слово. Осознал, что это он говорит обо мне, и понял, что пробил головой какую-то стену. Что сбылось несбыточное. И теперь моя жизнь, наконец, началась.

Дальше меня начало так тошнить, что лучше бы она тут и закончилась.

Дракон пошел на снижение, для того чтобы вступить в контакт с защитными межами города и, скользя по ним, переместиться на межи Храма (об этой технике я узнал потом, но вам поведать могу об этом немедленно), и от этого манёвра я, к счастью, потерял сознание. Поэтому, основываясь на личных впечатлениях, я описать вам свой первый полёт не могу, так что представьте себе сами: как удивителен путь над спящей землёй туда, где на границе горизонта и Хаоса творится мироздание в прямом смысле этих высокопарных слов. Представьте-представьте, дорогие мои друзья, как переливаются серебром и хрустальной росой крылья Дракона и как сверкает в скромном свете механической Луны его шкура, покрытая частой и искусной филигранью, и узоры на ней никогда – в тысяче своих вариаций – не повторяются! Как скользит его тень над пустошами и протянутыми металлическими нитями железных путей, – вечными, прочными, словно кости мира, и тонкими, словно нити в корсете бытия.

Вы можете себе это вообразить – уж я-то знаю, иначе бы вы просто не дочитали до этого момента. Вам, как и мне, мой дорогой читатель, не чуждо воображение. Редкий это гость в вашем сознании или нет, я не знаю, но в любом случае, если вы сейчас не слышите, как шумит ветер под огромным механическим телом, покрытым скриптами загадочных узоров, верните эту копию книги назад в читальный дом. Ваш мастер-библиотекарь что-то не то вам подобрал для чтения в обеденных перерывах (или дайте себе ещё один шанс).

Прибытие в Храм я помню тоже довольно смутно: в этой части пути меня опять в основном рвало. Я понимал, что должен бы захлёбываться восторгом и предвкушением, но у меня во рту я чувствовал только мерзостный привкус желчи. Пусть то, как меня укачало в этот раз оказалось и не худшим впечатлением от поездки в моей жизни (худшие ещё ждали впереди), но в тот раз я еле-еле и не сразу встал на лапы.

Уши у меня были совершенно заложены, и перед глазами всё плыло, да и вообще, мне казалось, что всё тело моё обернули отвратительно пахнущей ватой, мешающей что-либо толком понять.

– Где мы? – простонал я скорее для того, чтобы помочь себе собраться, чем потому, что действительно интересовался этим.

– В Храме, – тихо сообщил Дракон, – должно быть, вы рады вернуться. Через несколько минут сможете осмотреть демона.

– Отлично, – подытожил я, переведя дыхание и осторожно убедившись, что спазмы иссякли, а затем закончил фразу, – отлично, что вы выхлопотали мне назначение в Храм, хотя ума не приложу, когда и как вы это успели.

– Вне моей власти давать назначения, – отозвался голем, направившись с террасы, на которую мы приземлились, вперёд, вглубь светлого арочного коридора, ведущего внутрь здания, – ваше открытое назначение осталось неизменным.

– А, отлично! – подыграл я, не очень понимая, о чём говорит Дракон: всю жизнь я имел только одно назначение на пребывание – в родном городе, в Котлах.

Пересечение любых других межей не просто таило для меня смертельную опасность – я умер бы при попытке это сделать. А уж как редко даётся право на пересечение всех межей мира, то есть «открытое назначение» (это вообще-то просторечный термин, принятый среди сотрудников Центра), я знал не понаслышке, ведь это составляло большую часть специальности, которой я овладевал на учёбе. (А учился я хорошо, учиться мне вообще нравилось, как нравилась и вся академическая атмосфера).

Всё это я думал, уже тащась вслед за Драконом. Мы уже почти вошли в абсолютно прямой, длинный светлый коридор, составленный из сужающихся кверху арок, но я замешкался. Какое-то особенное чувство заставило меня вернуться назад и прежде, чем вступить под внутренние своды этого города-механизма, задрать голову вверх, словно запечатлевая этот момент в памяти – черный кот вошел в Храм мира. Затем я, конечно, бегом нагнал своего механического проводника.

Самое главное, что я почувствовал в те минуты – это даже не визуальное впечатление от этого циклопического города-механизма. О нет, я со своей точки осмотра, конечно, даже близко не смог оценить. Самое главное – это звук. Будто в каком-то работающем цеху. Вообще-то, в действительно работающих цехах я никогда не бывал, но представлял себе их, по крайней мере, по звуку, именно так: четкий, похожий на часовой, ритм, который, тем не менее, был очень и очень сложным, почти фрактальным, и казалось, что прислушиваться к нему, разбираясь во всех мельчайших нюансах пульсации, можно почти бесконечно.

А ещё – постоянное ощущение присутствия пара в воздухе. Не сам пар или смог, нет, именно его переживание, отзвук, привкус. Ну и... стены. Огромной высоты внешние стены. Они, казалось, подпирали само мироздание, теряясь выше, чем хватало моего взгляда, выше, чем сами небеса. Но самое, самое, самое-самое главное в Храме и самое удивительное в нём – как только ты попадаешь внутрь, то сразу к нему привыкаешь.

Мы миновали коридор и оказались в каком-то сложном, словно лишенном потолка пространстве. Когда я первый раз посмотрел наверх, то над нами что-то проехало, шваркнув фонтаном искр из-под колеса. Вагонетка или даже капсула пассажирского транспорта.

– Что это может быть? – благоговейным шепотом спросил я.

– Я веду вас техническими коридорами для того, чтобы никто не знал, что вы нарушили запрет, вернувшись в Храм.

Эти слова Дракона отвлекли меня от размышлений о том, как я замечательно проникся деловой атмосферой. Прибавив шагу, я догнал великого голема опять, засеменяя рядом:

– В каком смысле «вернувшись»?

Мы остановились перед огромными воротами, приспособленными только для механического открытия и закрытия. От пола до потолка их покрывали литые барельефы и горельефы, изображавшие механоидов и големов в динамических сценах. Меня так и тянуло их разглядеть, но я не сумел этого сделать и из-за слишком низкой точки обзора, и из-за того, что Дракон снова приковал всё моё внимание к себе, обратившись довольно неласково:

– Не зная, как помочь своему подзащитному, я устремил свой взгляд в мир, где мои глаза, созданные из двух душ, чей Дар – проницательность, увидели вас и вашу мечту, господин Китен, но не обольщайтесь на свой счёт: хотя вы и оказались единственным существом в мире,

посвятившим свою жизнь изучению демонов, не нужно думать, что я ничего не знаю о вас! – я приосанился: думать, что обо мне вообще кто-то что-то узнал по собственной инициативе, оказалось непривычно лестно, но Дракон еще не закончил. – И я знаю о том, что двадцать пять лет тому назад вас изгнали из Храма. И я знаю за что, – пригрозил мне Дракон.

«Что за бред. Мне всего двадцать девять», – подумал я, на всякий случай вообразив себе inferнальную сцену, где четырёхлетнего мальчика-оборотня изгоняют из Храма за то, что он не там точил когти в ипостаси кота. Одновременно с этим я очень постарался по возможности натурально изобразить изумление. Видимо, к театральным эмоциям вовремя примешались настоящие, и всё вместе проявилось на морде моей достаточно достоверно, потому как далее голем продолжил:

– Существо, что находится за этой дверью, – одно из худших порождений этого мира. Это жестокий и беспощадный убийца, умеющий манипулировать и обращать лучшие намерения и силы любой души против неё самой. Этот демон – бич нашего мира, удавка на шее его прогресса.

– Отлично! – согласился я, отдав все возможные знаки нетерпения и снова смерив дверь взглядом. – Пойдёмте же посмотрим!

– Он не знает и никогда не знал любви, не имеет ни малейшего представления о преданности, честности и дружбе, – продолжил Дракон, не сдвинувшись с места, – но я обязан ему. Обязан жизнью. И сейчас я возвращаю долг. Его отдание, наконец, оправдает и освободит меня.

– Да, я думаю, пора уже открыть дверь! – перемялся я с лапы на лапу, бросив взгляд на Дракона и поёрзав хвостом.

– Он исчез из Храма три дня назад, не сказавшись о направлении, как обычно бывает, если он уходит за душой...

– ...и вернулся... – сказал я за голема, помогая ему рассказывать быстрее

– ...и вернулся несколько часов назад – раненым и безумным.

– Это нужно увидеть собственными глазами! – не выдержав, я коснулся передними лапами двери как можно выше, прикидывая, смогу ли сам её открыть, не оборачиваясь механизмом.

– При общении с ним нужно соблюдать величайшую осторожность, он...

– Ну, откройте уже дверь!

Дракон на меня посмотрел. Под его взглядом, я опустился на пол, сев, как полагается, и чуть-чуть ради приличия прижав уши, ничем более не выдавая нетерпения.

– Хорошо, – сказал Дракон.

Огромные двери раскрылись достаточно, для того чтобы Дракон мог войти внутрь. За вратами лежал просторный пустой зал. Здесь в Храме, видимо, тоже стояли сумерки. Не знаю, утренние или вечерние, но естественное освещение, лившееся из огромного стеклянного купола, венчавшего помещение сверху, казалось мне жидковатым. Вообще, внутри всё дышало утренней неуютной робостью – влажноватый прохладный воздух, предвещавший образование росы, зябкий белёсый свет... это общее впечатление совершенно потопило в себе всё величие этого места, которое в любое другое время суток наверняка бросилось бы в глаза.

Я внимательно наблюдал за открывавшимся мне видом издалека, удобно устроившись у порога. Демона я пока не увидел.

Пройдя внутрь, Дракон обернулся:

– Господин демонолог?

– Да? – наострил я уши.

– Вы идёте?

– Зачем? – поинтересовался я.

Дракон посмотрел на меня, я посмотрел на Дракона. Голем сказал:

– Там демон.

– Я его не вижу.

Мы опять обменялись взглядами и голем, подумав, аргументировал:

– Ювелир – демон, приходящий за чужими душами, господин демонолог, – вкрадчиво сказал он, – как и любой демон, он ни при каких обстоятельствах не может противиться своему Предназначению. Поэтому, если сейчас или через несколько секунд какая-то одарённая душа достигнет пика напряжения своих сил, то он...

– ...окажется рядом с ней для того, чтобы вырвать сердце из груди жертвы, и мы его потеем чисто географически, – подхватил мысль я, истошно доказывая минимальную компетенцию. Мой ищущий взгляд обнаружил опору в сапфировых глазах великого голема, и Дракон отдал мне знак согласия:

– Нам нужно спешить.

Внутренне согласившись, я вошел.

– То есть он у вас тут на карантине, – уточнил я сразу после пересечения черты портала, предусмотрительно шмыгнув между передних лап голему под брюхо. Так высота купола и витавшая в пространстве морось психологически меньше на меня давили.

– Помещение изолировано. Его несложно прокалить изнутри, в него не могут проникнуть и из него не могут выбраться все известные господину Ювелиру демоны, обладающие способностью мгновенного перемещения, включая его самого. Если речь не будет касаться Предназначения, само собой.

Я отметил для себя, что этот демон каким-то образом собирал информацию о других демонах, и я бы с удовольствием сунул нос в соответствующие его записи, если он, конечно, их вёл. Вслух же я произнёс:

– То есть, это тюрьма?

– Это – место, находящееся под моей охраной. Нуждающиеся в защите демоны и высокие мастера пребывают здесь.

Ощущение неужога начало перерастать во мне в чувство тревоги, и ему осталось уже совсем чуть-чуть до того, чтобы перебить всё то восторженное возбуждение, которым я наполнялся, как воздушный шарик. Эта тревога была какой-то ненормальной, почти сверхъестественной, будто я не боялся чего-то, а *знал* о присутствии некоего зла с совершенной точностью и, более того, – уже взаимодействовал с ним. Для того чтобы отвлечь себя от этого, я, осторожно выглядывая из-под брюха Дракона, оценил зал:

– Довольно аскетично. Никакой мебели или архитектурных излишеств.

– Помещение предназначено для того, чтобы я мог свободно передвигаться внутри, и для того, чтобы я мог хорошо заметить всякого, кто приближается к моему подзащитному. Заметить и уничтожить.

– Ага, – отдал я сам себе знак согласия, и в этот момент увидел труп.

Распахнутые бессмысленные глаза смотрели прямо на меня. Тело мужское, голова почти отдалена от тела, и я с ужасом смотрел на это. Смотрел и думал, повторяя в голове снова и снова одну и ту же мысль: «Кожа – такая тонкая. Если её разорвать – она, оказывается, такая тонкая!»

– ...с тех пор, как вернулся из Хаоса. Ни я, ни кто-либо другой не наблюдал каких-либо отклонений от привычного поведения, тем более...

Поняв, что со мной разговаривают, я с трудом отвёл взгляд от жуткого зрелища, хотя оно, стоило мне моргнуть, снова вставало перед глазами. Мне следовало сконцентрироваться, но я не мог.

Я опустил голову, старательно сосредоточил взгляд на белом узоре мозаики на полу и повторил про себя: «Я демонолог. Я учёный, и я должен собирать информацию. Это мой единственный шанс. Мой единственный шанс, и я должен собраться».

Я с трудом сдержал рвоту и поднял взгляд. Там, впереди, ничего нового. Ничего страшного и ничего необычного – полуметровой высоты каменный стол или алтарь. На его светлом мраморе виднелись потёки крови, вот и всё. Ничего такого. Но именно оттуда по моим ощущениям и исходила главная опасность. Что-то гораздо более жуткое и страшное, нежели обезображенное тело, только что ужаснувшее меня.

– Кто его убил? – тихо спросил я. – Демон?

– Да, – признался Дракон, – это моя вина. Один из техников пришел согласно плану, я... мне следовало отменить заявку, но я не сделал этого, решив, что иначе станет заметно, что я прячу что-то в Чертоге. Самонадеянно я решил, что смогу контролировать Ювелира.

– Кстати, а где он? – тоньше, чем собирался, спросил я, понимая, что спрятаться-то в этом зале особенного негде – он специально так и спроектирован. – Демон что, невидимый?

– Он впереди, – произнёс Дракон.

Я посмотрел вперёд. Там страшно. Но страшно – это не объект, это описание. А вот что, что там страшного, я понять не мог. Вот алтарь, но камень, использованный при его создании, особенно жутким не выглядел, даже наоборот – обработка очень и очень красивая. Вот кровь, о ней я уже упоминал. Но кровь сама по себе – штука тоже не слишком пугающая. Вот... ну, вот ещё стены зала. Стены и стены. Эка невидаль. Я судорожно сглотнул.

Что же... что же там такого, что ноги отказывались нести меня вперёд? Чего именно я боялся, и где там, впереди, демон? Почему я не видел его? Он слишком маленький? Он слишком большой? Он... алтарь?! Я выдохнул и опустил голову, чувствуя себя совершенно опустошенным, словно несколько суток кряду бегал вокруг города.

У меня кружилась голова, и я всё хуже осознавал происходящее —больше всего хотелось просто уйти. Ради моей собственной жизни – просто уйти и... неважно, что потом. Конечно, когда мечта, как кусок горячего пирога, манит тебя соблазнительным запахом прямо у самого носа, когда ты так хочешь доказать себе и остальному миру, что ты не пустышка, что ты, пусть и пустозвон, но не пустоголовый пусто... одним словом, что ты не готов отказаться от своих слов при первой опасности – вот эта мысль толкает вперёд.

Этот мучительный тяжелый диалог, который я столько лет вёл с обезличенной маской остального мира, так вымотал, так истерзал меня, что я с готовностью бы умер, пытаясь доказать это страшное экзистенциальное уравнение, неизвестное в нём – я сам. Конечно, я очень хотел ещё недавно получить любой шанс, даже рискнуть жизнью, если наградой за это будет возможность сказать своё слово судьбе. Сказать ей: я Китен, черный дворовый кот, я существую, и мои мечты не глупы: они имеют значение и меняют объективный мир.

Но сейчас я всё равно очень боялся. Впереди меня ждал опасный жестокий демон, но как бы странно это ни прозвучало, боялся сейчас я не его. Страх, что я испытывал, имел иррациональную природу, вроде боязни открытых пространств, и сдерживать его мне приходилось, словно бы я терпел боль. Я не верил ему, принимая его абсолютную реальность. Держал себя в руках и просто терпел.

Я знал, что я должен снова посмотреть вперёд, но также отдавал себе отчёт в том, что ещё минута – и я забуду зачем. Потеряю это в ритме быющего безумно сердца, так громко стучащего в ушах, что уже сейчас оно заглушает ритм самого Храма.

– Вы можете осмотреть его, но осторожно, – пригласил Дракон, – впечатление, что он без сознания, обманчиво. На самом деле у него достаточно сил для того, чтобы убить вас одним движением.

– Он там – за алтарём? – уточнил я на всякий случай.

– Нет, – поправил меня Дракон, – перед алтарём на полу. Вы не видите?

– Я..., – замешкался я с ответом, не желая признавать – вижу алтарь, вижу кровь, не вижу демона. К сожалению, Дракон верно понял моё промедление:

– Он тяжело ранен, и рана не затянулась за все те часы, что он здесь, видимо, его тело использовало уже все регенеративные способности, он всё ещё продолжает терять кровь. Многие демоны в его положении защищаются интуитивно, отводя глаза тем, кто находится рядом. На них просто не обращают внимания. Это психологический эффект. Глаза видят, а мозг – нет.

– Но вы видите всё, как надо, – указал я, еле справившись с тяжелым дыханием.

– Да, – согласился Дракон, – те, кто научился, не дают себя обмануть.

– Я..., – я сделал шаг вперёд, но лапы сами отнесли меня назад. Шерсть встала дыбом, я выгнулся дугой и чуть не зашипел. Подумал вдруг, что выглядело бы очень глупо, если бы уважаемые учёные так себя вели: выгибались бы дугой и шипели, вздыбив распушенный хвост. Ну и дебаты бы вышли! И эта мысль несколько меня отрезвила.

Я вспомнил, что ещё пару минут назад я снова придумал про себя что я демонолог. На самом деле я точно знал, что такой профессии в мире не существовало. Но я придумал её, и я придумал, что я отвечаю её требованиям. Правда ли это? Нет. Но я... настоящий я, черный помойный кот, не мог бы сейчас сделать шаг вперёд, а тот, кого я себе придумал, – поставил одну лапу перед другой. А потом придвинулся ещё ближе. На один шаг и потом – ещё на один. Чувствуя, что я нащупываю где-то под неприглядной свалявшейся шерстью путь к собственной душе, я вспомнил, как наступил на звезду, отражавшуюся в луже. И действительно почувствовал влагу под лапой. Посмотрев вниз, я увидел, что стою в лужице крови. Нет, не лужице. В ручейке. И тут же сбежал.

– Господин демонолог, – произнёс Дракон, несколькими минутами спустя уже некоторое время наблюдавший за тем, как я мечусь рядом с воротами, пытаюсь то подлезть под створками, то процарапаться наружу, – я должен перед вами извиниться.

Отдышавшись, я кое-как остановил поток собственных бессмысленных действий. Выдохнул. И, стараясь не поворачиваться в ту сторону, где находился источник моего беспокойства, спросил у Дракона:

– Почему вы не откроете эту проклятую дверь?!

– Я должен попросить вас попытаться ещё раз. Я не могу ему помочь, и единственная надежда...

– Откройте дверь!

– Я...

– Открой эту проклятую дверь, наконец!

Дракон, оборванный мною, отвёл глаза, и створки снова начали расползаться в стороны. Я увидел перед собой коридор, уводящий от этого места прочь, сел на задние лапы, и, устроив удобно хвост, обратился к своему собеседнику:

– Так за что вы хотели извиниться, Хранитель?

Дракон, смерив взглядом меня, ворота, коридор и поняв, что никуда уходить я не собирался, поспешил с ответом:

– Мне следовало принять во внимание, что вы никогда не сталкивались с демонами в подобном состоянии. Запросив информацию о вас у Центра, я увидел личные рекомендации высших демонов Храма, и сразу же наделил вас в своих мыслях всеми необходимыми для решения этой задачи качествами...

Меня очень запоздало озарило. Я совершенно ясно понял, что он принимал меня за кого-то другого. За другого демонолога. Демонолога, который действительно существовал, у которого когда-то были блестящие рекомендации, который был изгнан, который, одним словом, в отличие от меня – был. И теперь справиться со своим страхом, замаскироваться под этого механоида – это не просто мой шанс: пока я в ипостаси кота, то визуально возраст не определить, и я смогу разобраться в произошедшем, восстановить «свою» репутацию и... работать «дальше». Останусь на всю оставшуюся жизнь котом? Ну и ладно, я всё равно так и собирался – когда соберусь писать книгу, просто куплю себе референта.

Голем тем временем продолжал говорить:

– Но я не подумал о том, что способность преодолевать защитные механизмы такого рода не приобретается за один день, а вы не могли получить эту практику, ведь ни один демон не имел серьёзных ранений в последние поколения. Мне следовало это предвидеть, но возможность облегчить свою душу и отдать тяготящий меня столько лет долг полностью застала мне глаза.

– Всё в порядке, – осторожно произнёс я, – я думаю, что мы оба справимся. Вот только... расскажи мне, – я поймал себя на том, что перешел на «ты», запнулся, но сбиться себе не позволил, – как всё это случилось. В смысле... ещё раз расскажи.

– Демона не было в Храме трое суток. Я уверен, что он отправился за чьей-то душой. Как правило, он всегда ставит в известность Храм или своих учеников, но порой ситуация требует его внимания немедленно.

– Он часто возвращается раненым? – уточнил я, вспоминая, что Дракон мне всё это уже рассказывал, но только я отвлекался и не слушал.

– Порой. Если душа достигла своего пика во время вооруженного конфликта или стихийного бедствия, то это никак не остановит Ювелира, как и ничто другое. Демон может пострадать, но ускоренная регенерация быстро заживляет раны, чего не произошло в этот раз. И это ненормально.

– Хорошо... – протянул я, осмелившись взглянуть в сторону алтаря. Теперь я с большим трудом различал мужскую фигуру, лежавшую навзничь, но всё же не мог однозначно сказать, что это не барельеф или иная часть украшения интерьера, – а почему ты просто не позвал докторов? Ведь он здесь... он здесь не узник же, верно? Он здесь, скорее, начальник, мастер?

– Создатель и вдохновитель Храма. Он тот, кто приносит печали в дар Машинам Творения, и мир может идти вперёд. Он – один из моих господ.

– Да, – отдал я знак принятия, поощряя его говорить дальше, – так почему ты не позвал на помощь? Зачем ты прячешь его, зовёшь меня, рискуя этим разгневать высоких мастеров Храма?

– Я..., – Дракон замялся, – пользуюсь протоколом четыре ноля, но в действительности не уверен, что прав. Ведь это схема действий на крайний случай, мне следовало применить её только в случае, если я останусь совсем один и мне не у кого будет просить помощи.

– Ты не думаешь, что кто-то и тебе отводит глаза, убеждая, что ты не должен никому его показывать? Может быть, он сам?

– Как я могу быть уверенным в этом? И всё же что-то похожее на воспоминание настойчиво пробивается в моё сознание. Я не помню источника знания, но уверен, что глаза у Ювелира изменились не из-за болезни, а чего-то более серьёзного, и его следует убить. Без жалости и промедленья. Однако я не решился сделать это сам и не хочу допустить его смерти. Однажды он спас мне жизнь, и я должен ему. Действительно должен...

– А в чём проявляется его безумие, что с его глазами не так? – медленно произнёс я, и тут нас обоих окатило, словно черным ветром, волной ужаса. И демон напал на Дракона, одним единственным прикосновением заставив припасть к полу от боли.

Створки дверей при этом стремительно захлопнулись, заперев меня внутри, а я, парализованный страхом... смотрел на глаза демона. Два черных озера, неестественно шевелящиеся под веками, будто в глазницах танцевала живая намагниченная жидкость, желающая разбить изнутри хрусталик и поглотить всё, что находилось вокруг. Этот взгляд проникал в мою голову, царапал череп изнутри мерзкими крючковатыми когтями, одновременно с этим выковыривая прямо из груди мою собственную душу и медленно, отвратительно, но властно её поглощал. Я не мог оторваться.

Я понял, что это странное пробуждающее любопытство, что я впервые ощутил в том холодном переулке зимой, вновь тянет меня к жизни, показывает мне истинного меня. Это

тонкое любопытство с кислинкой, острым привкусом возбуждения, освобождает от страха. Но... для здоровья это ещё опасней, чем парализующий ужас – желая знать об этих глазах и этом демоне всё, я как замороженный подался вперёд.

Дракон толкнул меня мордой, стараясь этим защитить, и это мне помогло: отлетев, я перестал стоять как замороженный и смотреть на окровавленную страшную фигуру демона. Однако, осознав, что свободен, я первым делом захотел снова его увидеть. Конечно же, он уже исчез.

Я оглянулся на алтарь. Теперь я ясно различал обширное кровавое пятно. Его я раньше не замечал, да и нижняя часть алтаря оказалась совсем не такой, как я думал. До этого я считал, что она – зеркальное отражение верхней, но, как оказалось, там использован другой, более тёмный вид мрамора, да и узоры здорово отличались.

– Я хочу увидеть его снова, – потребовал я от Дракона, который, повернувшись ко мне боком, заслонял всё, что только можно. Приблизившись, я повторил, чувствуя, как скребу когтями по полу от волнения, – я должен увидеть его снова!

Дракон зарычал. Низко и угрожающе. Я поспешил обойти Хранителя, для того чтобы понять, кого он стремится предостеречь от нападения. Разумеется, Дракон смотрел на демона. Тот стоял, протянув вперёд прямую руку, и касался средним и указательными пальцами серебряной шкуры голема.

Не слишком крепко, почти рассеянно, но даже я чувствовал, как голем напряжен, как от этого прикосновения сводит с огромной силой его механические сочленения суставов, как дрожат его внутренние структуры. Мне казалось, что это касание демона станет для Дракона фатальным, но даже не подумал о том, чтобы бежать. За моей спиной больше не существовало жизни. Там ждала судьба, уже навсегда покинутая мною. Там ничего не было для меня.

Прошло мгновение. Демон сделал неловкий шаг назад и упал. Я подбежал к нему, но голем меня остановил:

– Игла в моей шкуре. Вытащи её!

Я посмотрел на Дракона. Он представлял собой мою единственную защиту против лежащего на боку и тяжело дышавшего демона, ещё достаточно сильного, чтобы стереть меня в порошок. Мою единственную надежду сегодня выжить.

– Нет, – отрезал я, и сапфировые глаза Хранителя Храма окрасились непониманием, – я думаю, что, когда ты стреножен, демон не воспринимает тебя как угрозу и потому спокоен.

(На самом деле, для того чтобы вытащить находившуюся слишком высоко для кота иглу, мне предстояло обернуться в механоида, а я не мог себе позволить, чтобы голем увидел, что я слишком молод для умудрённого летами и наделённого опытом специалиста).

Я выдохнул. Сейчас мне удалось, насколько это возможно, разглядеть демона. В глаза бросилась рана на шее, будто его грызли зубами, но кровь там уже запеклась, оставив лишь бордовые потёки на одежде. Это страшное на вид повреждение однако не было худшим. Куда опаснее выглядел его истерзанный правый бок: весь в запекшейся и натекающей поверх свежей крови. Мне показалось, что лохмотья присохшей к телу одежды перемешаны с отрезанными лоскутами кожи, а я при каждом движении демона вижу мясо.

– Послушай, – сказал я как-то чужеродно прозвучавшим голосом, – ведь у него сильный жар. Какая температура тела, как ты думаешь?

Дракон, двигаясь еле-еле, коснулся тела демона мордой:

– Пятьдесят градусов по водной шкале.

– Это далеко за пределами нормы. Я слышал, что вода в мозгу уже при сорока пяти градусах по водной шкале начинает кипеть. Подумай, если он в таком состоянии уже трое суток, может, дело в том, что он сходит с ума от жара, и только и всего?

Это решение мне очень нравилось, потому что я почти наверняка знал, что у всей этой ситуации очень простое решение. Ведь иначе я никак не мог бы справиться.

Дракон действительно задумался, задержав голову рядом со своим подзащитным. Я удачно запрыгнул голему на нос, для того чтобы иметь удобную и в меру безопасную точку обзора. Демон кончиками пальцев провёл по серебряной шкуре голема, словно хотел приласкать его, но забыл о своих намерениях на полпути: он явно терял последние силы.

– Вспомните место, где ледяная вода, господин, – вкрадчиво произнёс Дракон, возможно, стараясь внушить демону что-то. Внушить теми же силами, какими высмотрел в огромном мире мою душу, но демон, сжав пальцы на морде Дракона, оскалился, словно предупреждая о чём-то, словно прося держаться подальше от себя, а потом уронил голову и, как мне показалось, перестал дышать. – Вспомни холодную воду, Ювелир! – зарычал Дракон, подавшись, преодолевая сдерживавшую его мощь, вперёд.

И демон напал.

Я спрыгнул в сторону, повинаясь инстинкту, и приземлился в снег. Буквально утонул в ледяной перине, какой в Храме никак не могло существовать. Справа и сзади от меня раздался ужасающий треск, я бросился вперёд очертя голову, понимая, что любое промедление будет стоить мне жизни, и действительно – тут же на задние лапы набежала ледяная вода. Я попытался выскочить из сугроба или протаранить его насквозь, лапы заскользили по бугристому льду, наклонявшемуся вверх, пока я, испуганный и беспомощный, попытался найти возможность спастись, а потом... потом всё затихло.

Остановившись, я поднял голову вверх, и там вместо купола Чертога Хранителя увидел низкое белое небо. Облака, набухшие снегом. Холодно. Очень холодно вокруг. Не сильный, но настойчивый ветер отнимал, крупница за крупницей, всё накопленное мною в Храме тепло.

Возможно, Дракону удалось достучаться до демона, и он перенёс нас всех в это место? Где холодно. Где ледяная вода. Отлично, но я не мог теперь выбраться отсюда сам!

Я оглянулся. Упёрся взглядом в огромную прорубь в толстом льду. Это Дракон провалился под собственным весом и ушел под воду. Нужно думать, вместе с демоном, а я из страха инстинктивно спрыгнул вбок, чем сохранил себе жизнь, расстаться с которой мне предстояло через час или два, если я не найду, как согреться. Я заставил себя как можно быстрее подойти к кромке холодной воды.

Она оказалась немыслимо чистой. Там, внизу, ещё различалось огромное тело Хранителя, почти терявшееся во мраке глубины. Я заметил, как голем, делая сверхвозможное для себя усилие, подталкивает вверх безвольное тело демона, хотя очевидно, что тот уже захлебнулся.

Я понимал, конечно, в тот момент, что должен бы прыгнуть в воду, чтобы вытащить его, но только помялся у края, нерешительно переступив с одной замёрзшей промокшей лапы на другую, осознавая совершенно правильно, что уже не смогу нырнуть так глубоко, а даже и занырнув – не выплыву.

Демон дёрнулся в воде и исчез, появившись, почти мгновенно, ближе к поверхности. Он сделал так ещё раз, и я отступил назад как раз перед тем, как он выплыл, жадно вдохнув ледяной воздух. На меня взглянула пара совершенно нормальных глаз. Вполне себе ясная бирюзовая радужка. Ничего необычного. Я вылечил его. Я справился. Спас. Меня наградят за это? Или убьют за то, что я видел? Что мне делать? Бежать? Куда, в этой пустыне, где небо сливается с бесконечными снежными полями?

– А вот и вы, господин, – улыбнулся мне демон, одним гребком приблизившись к схваченному уже тонкой корочкой льда, краю. Я сделал ещё один шаг назад, присев на задние лапы и постарался быть вежливым:

– Я вас спас, вы мне теперь должны.

– Всё верно – вы исполнили свою мечту: действовали как демонолог и спасли жизнь демону, чьё предназначение – убивать мечтателей в момент исполнения их самых смелых надежд.

Кто бы знал, как я ненавижу причинно-следственные связи...

Глава 2

Я и бескрайние снежные равнины, одинокий дом и магнитное море

В следующую секунду своей жизни я нёсся во весь опор по не слишком толстому белоснежному насту, стараясь выжать из своих жалких лап как можно больше. Правда, на таком холоде, даже если взять за скобки то, что бегун из меня не особый, перемещаться механическим существам очень сложно, ведь помимо сопротивления окружающей среды, бороться приходится с холодом, а он очень и очень плохо влияет на ликру.

Сравнивая то, как я себя чувствовал в ипостаси механоида и в ипостаси механического кота в морозные дни, то, когда в первом случае на улице хотелось сдохнуть от холода, во втором у меня, как и у всякого мертвеца, не было бы желаний. Именно поэтому в северных городах оборотни в пубертатный период, когда организм выбирает преимущественную ипостась пребывания, остаются механоидами – так (да, очень прозаично) теплее жить.

Все мы знаем, что ликра, эта переносящая питательные вещества в механических частях тел жидкость, имеет свойство быстро твердеть на холоде, а, затвердев, расширяться прямо в ликровых венах и распадаться. Кровь так себя не ведёт, и поэтому если в вас не очень много механических деталей, то органика греет вас, и, соответственно, чем больше механики, тем менее вы морозостойки. Оборотни в ипостаси животного, само собой, полностью механические.

Я понимаю, что пишу эту книжку для будущих поколений, которые, наверное, уже не понимают этих проблем, но в мой век присадки для работы ликры на морозе только-только появились. Стоили они очень дорого и такие голодранцы, как я, не могли себе их позволить. Мастерицы работных домов в моё время ещё пугали детей-оборотней шоковым затвердеванием ликры, когда она может превратиться в камень прямо мгновенно. Я в эти побасенки вроде и не верил, но боялся всё равно.

Итак, чем быстрее я бежал, тем дольше я жил не только с точки зрения того, что за мной почти совершенно точно гнался (я, разумеется, не оглядывался) желающий убить меня демон, но и потому, что чем быстрее движешься, тем позже замёрзнет ликра. Но... вокруг лежала одна сплошная белая пустыня, поэтому я чувствовал, что уже обречён.

Почему же я не перекидывался механоидом, спросите вы? На то имелось несколько причин: во-первых, я вполне обоснованно опасался, что из-за большего веса (котом я весил примерно двадцать килограмм, а в образе шуплого парня все сто тридцать), я провалюсь в снег и вообще не смогу двигаться.

Во-вторых, когда я пребывал в ипостаси механоида в прошлый раз, то из-за инцидента с романтической поэзией золотого века, обнаженной женщиной и ее мужем я лишился одежды и, неудачно прыгнув со второго этажа, подвернул лодыжку.

Словом, я, конечно, мог проверить, что всё-таки быстрее – замёрзнуть голым или котом, и более того, мне, видимо, так поступить и предстояло, но этот эксперимент мне хотелось оттянуть как можно дольше, и я бежал. Бежал и бежал, не зная куда, и не имея никакого плана.

Впереди недоброй скатертью-самобранкой расстилалось приветливое ничто. Шел мелкий, не портящий видимости снежок, в поле зрения (я не мог поручиться насколько далеко впереди) наметилась снежная дюна, а дальше всё сливалось в одно – и земля, и небо.

В отчаянной попытке найти хоть какой-то ориентир, я вглядывался в падающий снег и в какой-то момент понял, что ясно различаю силуэт Дракона – легко узнаваемые очертания виднелись впереди, складываясь из падающего снега. Напрягшись, я поспешил туда, нежно и бережно игнорируя очевидное и надеясь, что это – действительно Дракон.

Но, разумеется, реальность оказалась, как ей и свойственно, честней и неприятней: добравшись до фигуры, что возвышалась над снежной пустошью, я непроизвольно замедлил бег.

«Велико время зимы, ибо всё вернётся», – прозвучало в моей голове. Этот голос поднимался от моих родных камней по механике тела и скользил прямо в уши. Пренеприятное ощущение. Передо мной, конечно, не стояло никакого Дракона, а образ оказался только образом: прозрачной эфемерной фигурой, сплетающейся из падающего снега.

– Мне очень жаль, Дракон, – произнёс я, обращаясь к призраку, хотя я прекрасно знал, что призраки не слышат, что им говорят, – нам с тобой не повезло, дружище.

«Я ни о чём не жалею», – всё так же прозвучало в моей голове.

Почти диалог! Сглотнув горечь при мысли о том, что Дракон всё-таки погиб там, на дне озера (его, видимо, раздавило давлением воды, или он замёрз насмерть), я почти заставил себя двинуться дальше, но тут, как это часто бывает в чрезвычайных обстоятельствах, память извлекла из собственных недр и любезно преподнесла вашему хвостатому повествователю когда-то читанный им факт. Ухватившись за него, я обошел призрака Дракона по периметру.

Дело в том, что призраки возникают как эхо наших собственных образов из-за энергетического диссонанса, микроконфликтов между камнями в механике наших тел (они опосредуют питание энергией и ликробомен нашей родной механики) и другим, более мощным, энергетическим полем. Такими камнями могли являться любые камни в нашем теле – и маленькие родные камни, что есть у каждого механоида, и волшебные самоцветы Ювелира, питающие сердца големов. Иными словами, камни, питавшие при жизни механизмы Дракона (камень в сердце, те два удивительных сапфира в глазах) вступают во взаимодействие с каким-то ещё энергетическим полем от волшебных камней-источников энергии.

Нужно думать, что рядом как минимум сердце города! Так что, если это действительно работает, то значит, у меня есть шанс.

Итак, приглядевшись к призраку, гласило то правило выживания, можно, по крайней мере, узнать, в какой стороне расположен источник второго поля. А если вы заблудились в пустошах, направление – это практически спасение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.